

УДК 39 + 314(470.51)

Касимов Рустам Нуруллович

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Удмуртского института истории, языка и литературы
Уральского отделения Российской академии наук

Черниенко Денис Аркадьевич

кандидат исторических наук, доцент
Удмуртского государственного университета,
старший научный сотрудник
Удмуртского института истории, языка и литературы
Уральского отделения Российской академии наук

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В УДМУРТИИ

Аннотация:

В статье рассматриваются некоторые вопросы формирования современных толерантных отношений между финно-угорскими, славянскими, тюркскими и другими народами Удмуртии, которые в историографии рассматриваются в контексте регионального «феномена». Одной из важных предпосылок комплементарных отношений между разными культурами стала исторически сложившаяся уникальная конфигурация контактирующих этносов.

Ключевые слова:

взаимодействие, межэтнические отношения, миграция, регион, толерантность, феномен, этническая среда, этническая структура.

Kasimov Rustam Nurulloovich

PhD in History,
Senior Research Associate,
Udmurtia Institute of History, Language and Literature,
Ural branch of Russian Academy of Sciences

Chernienko Denis Arkadyevich

PhD in History,
Assistant Professor, Udmurt State University,
Senior Research Associate,
Udmurtia Institute of History, Language and Literature,
Ural branch of Russian Academy of Sciences

THE HISTORICAL AND CULTURAL BASES OF ETHNO-CONFESSIONAL TOLERANCE IN UDMURTIA

Summary:

The article discusses development of modern tolerant relations between the Finno-Ugric, Slavic, Turkic and other peoples of Udmurtia considered in the context of the regional 'phenomenon' in the historiography. Historically developed unique configuration of communicating ethnic groups has become an important premise of complementary relations between different cultures.

Keywords:

interaction, interethnic relations, migration, region, tolerance, phenomenon, ethnic environment, ethnic structure.

Удмуртскую Республику по характеру и состоянию межнациональных отношений принято относить к группе относительно благополучных регионов Российской Федерации [1], без выраженных источников напряженности, с доминирующей толерантной моделью поведения проживающих на ее территории народов. В условиях глубоких социально-политических и экономических трансформаций постсоветского периода и современных кризисных циклов такая модель по-прежнему демонстрирует свою устойчивость и способность к воспроизводству. Различные исследовательские программы в области этносоциологии, реализуемые в республике, показывают, что во второй половине 2000-х гг. ситуацию в сфере межнациональных отношений оценивали как «спокойную»: 53 % – в 2005 г., 57 % – в 2007 г., 57,8 % – в 2010 г., 66 % – в 2011 г. [2, с. 38]. В 2013–2014 гг. исследования регионального отделения Распределенного научного центра межнациональных и межрелигиозных проблем РАН показывают сохранение тенденции к преимущественно позитивному восприятию сферы межнациональных отношений на уровне 66 % [3, с. 164].

Можно предположить, что указанная характеристика региона обусловлена не столько сохранением общественных процессов, протекающих на рубеже XIX–XX вв., но прежде всего причинами, объяснение которых возможно лишь с учетом особенностей историко-культурного развития Прикамья и Приуралья. В новейших научных публикациях в отношении Удмуртии нередко встречается тезис о ее «феноменальности», ставший в последние два десятилетия своего рода интеллектуальным трендом, начиная от опыта наиболее раннего теоретического обоснования [4; 5] и заканчивая развернутыми диссертационными, монографическими и обобщающими исследованиями последних лет [6; 7].

Другой заметной историографической тенденцией стало смещение интереса от изучения локальных национальных сообществ к проблеме этнокультурного взаимодействия не только на региональном, но и на общегосударственном уровнях. Такая ниша в исторических исследованиях постепенно закрепляется за Удмуртией в формате проведения крупных научных мероприятий и издания соответствующих публикаций [8; 9]. Концептуальной основой указанной проблемы вы-

ступает необходимость осмысления истоков, механизмов, особенностей, форм, динамики и других аспектов взаимодействия финно-угорского, славянского и тюркского массивов в Урало-Поволжье, представленных на территории республики преимущественно удмуртским, русским и татарским населением. Необходимость корректно с методологической точки зрения соединить проблему региональной феноменальности с проблемой межрегионального взаимодействия определяет сегодня содержание большинства научных исследований.

Формирование трех указанных этноязыковых массивов, составляющих основу современной этнической матрицы региона, имело выраженную историческую специфику. Удмурты – индигенное, коренное население края, так как формирование народности, консолидация различных групп населения поступательно происходили в Камско-Вятском междуречье начиная с эпохи раннего Средневековья, при этом существенных изменений границ этнического ареала не отмечается. Заселение Вятского края русскими носило волнообразный характер, эти «волны» не имели четкой периодичности и были обусловлены важными историческими событиями и процессами, например хозяйственной колонизацией XII–XV вв., присоединением Вятской земли к Московскому Великому княжеству в 1489 г., завоеванием Казанского ханства в 1552 г., развитием системы железодельных и оружейных заводов с середины XVIII в. и др. К концу XIX в. русское население плотно освоило все уезды и волости Вятской губернии, в том числе Глазовский, Елабужский, Малмыжский, Сарапульский уезды, ставшие впоследствии территориальной основой для удмуртской национальной автономии. Формирование татарского массива также носило поэтапный характер и исторически связано с влиянием на удмуртские земли Волжской Булгарии, Золотой Орды, Казанского ханства, их миграционными и этнодемографическими последствиями. Этнокультурная история татар в Удмуртии в настоящее время становится отдельным объектом исследований [10].

Таким образом, основная колонизация завершилась к концу XVI в., когда Россия приобрела большую часть земель, населенных удмуртами. После территориального присоединения «русские крестьяне поселились среди мусульман (татар) и язычников (чувашей, удмуртов и марийцев), а к середине XVIII в. край был полностью интегрирован в административную структуру империи» [11, с. 96]. Исторически Удмуртский край имел сложную, многослойную этническую, языковую, конфессиональную структуру, которая зависела от успешности хозяйственной колонизации, направлений и результатов военных кампаний, интенсивности переселенческого движения, плотности и конфигурации расселения, удобства средств коммуникации, актуализации торговых связей от средневекового периода до настоящего времени. Доминирующая удмуртско-русско-татарская (в широком смысле финно-угорско-славяно-тюркская) конфигурация явилась итогом многовекового экономического и административного освоения региона.

Долевое соотношение русских, удмуртов и татар в основном сложилось к концу XIX в. и с некоторыми изменениями остается устойчивым до настоящего времени, что подтверждает сравнительный анализ переписей населения. Так, в 1897 г. в четырех указанных выше «удмуртских» уездах Вятской губернии русских было 60 %, удмуртов – 28,5 %, татар – 8,2 %. Доля финно-угорского и тюркского компонентов будет даже несколько выше с учетом пермяков и черемисов (мари) для первого случая, башкир и тептярей – для второго. В период становления государственности Удмуртии в 1920–1930-е гг. и неоднократных территориальных экспериментов национальная структура претерпевает трансформацию в сторону «коренизации». Но уже с середины XX в. доля русских поступательно увеличивалась от 55 до 60 % (по переписи 2010 г. – 59,9 %), удмуртов – сокращалась от 39 до 26 % (26,9 %), татар – увеличивалась от 3 до 6 % (6,5 %). Следовательно, этнодемографическая картина региона также позволяет говорить если не о феноменальности, то по меньшей мере об уникальности Удмуртии в стабильном пропорциональном соотношении финно-угорской, славянской и тюркской компонент, заметном отличии в этом отношении от других субъектов России. Во-первых, непосредственные территориальные соседи имеют принципиально иную национальную структуру: Кировская область и Пермский край – регионы с доминирующим славяно-русским населением (90 и 83 % соответственно), Республика Татарстан и Республика Башкортостан – с доминирующим тюркским (в обоих случаях более 53 %). Во-вторых, в других финно-угорских регионах Поволжья – Республике Марий Эл и Республике Мордовия – заметно выше доля титульного народа – около 40 %, в Республике Коми соотношение русских и коми наиболее близко к модели Удмуртии (61 и 22,5 %), но крайне немногочисленно татарское население (1,2 %). Следует акцентировать внимание на том, что именно такое хронологически стабильное сочетание стало результатом длительного, поэтапного исторического развития, а не новейших миграционных процессов.

Одновременно с формированием своеобразной этнической среды шел процесс складывания конфессионального пространства региона, которое также имело трехчастную структуру: язычество (народные религии) – христианство (православие, старообрядчество) – ислам. Развитие

конфессиональных основ самосознания происходило в силу исторических, этнических, территориальных, социальных факторов без значительного влияния непосредственно религиозных институтов, зачастую при их формальном присутствии. Известно, что христианизация Вятского края носила крайне противоречивый характер, становясь причиной конфликтов между местным населением, территориальной администрацией и церковью [12, с. 154–167]. Но даже православная церковь, будучи идеологической частью государственного механизма, не всегда успевала за темпами освоения новых территорий. Другие религиозные учения, например получившее распространение старообрядчество, тоже не смогли в сложившихся условиях обеспечить прочную интеграцию жителей края. Таким образом, «удмуртские» уезды Вятской губернии в дореволюционный период с точки зрения значимости религиозных институтов несколько отставали от других частей губернии и представляли собой территории относительной религиозной свободы.

Согласно переписи населения 1897 г. по Вятской губернии, 91,9 % населения относились к «православным и единоверцам», 8 % – к «магометанам», 3,2 % – к «старообрядцам и уклонившимся от православия». В советский период значение конфессионального фактора в жизни региональных сообществ было существенно снижено. Религиозность, едва пустившая корни в еще слабые приходы и общины, уже в 1920–1930-х гг. была практически полностью лишена своих идейных и организационных основ. И если сегодня организационные вопросы в общем решены, то отсутствие твердых идейных основ по-прежнему является существенной проблемой [13, с. 17–22].

Вместе с тем нельзя не обратить внимание на то, что конфессиональная структура в настоящее время (данные социологического опроса 2007 г.) принципиально не отличается от ситуации в конце XIX в.: 86,1 % опрошенных считают себя православными, 8,6 % – мусульманами, 4,4 % – язычниками или «верят, но не разбираются в религии» [14, с. 127], что свидетельствует о стабильности в религиозной сфере. В постсоветское время существенно выросло значение религиозных, особенно православных (православными помимо русских было 64,3 % удмуртов и 8,1 % татар), институтов в духовной жизни. На фоне прежней ситуации духовного кризиса достижения православных, мусульманских и других конфессий в институализации религиозной жизни, количественном росте, укреплении духовного единства членов общин очевидны. Однако качественные характеристики массового сознания эти достижения существенно не изменили. Неукорененность в традиции, слабость идеологических основ, синкретизм, влияние модных тенденций остаются существенными свойствами массового религиозного мышления жителей современной Удмуртии [15].

Анализ динамики развития региона и имеющихся научных подходов к пониманию региональной специфики позволяет выделить группу «исторических» факторов, определяющих доминирование ценностных установок на сохранение этноконфессионального спокойствия и толерантности:

- преимущественно мирный, поступательный, поэтапный характер формирования полиэтничного населения в регионе (колониационная модель),
- глубокий диалог культур, вызванный необходимостью эффективной адаптации, интеграции пришлого населения к местным условиям, взаимобмен культурными нормами в земледелии, одежде, пище, религии, быту и т. д.,
- уникальное по сравнению с другими субъектами России соотношение трех базовых этнокультурных компонентов (русских, удмуртов, татар),
- длительное сосуществование на относительно небольшой территории нескольких типов этнических сред,
- наличие в историческом опыте политически обусловленных форм добровольного подчиненного положения индигенного населения иноэтничной (русской) администрации («национальный нигилизм»),
- особенные черты менталитета удмуртов (терпение, скромность, сдержанность, законопослушание и др.),
- значительные темпы ассимиляции, «размывания» удмуртского этноса.

Кроме того, нельзя не учитывать и влияние факторов, связанных с особенностями современного общественно-политического развития региона, как например: этнополитическая слабость национальной элиты, не выполняющей задачу этнической мобилизации коренного населения; наличие широкого спектра национально-культурного движения (33 объединения 22 народов); незначительные внешние миграционные потоки в республику; традиционно высокая доля межнациональных браков и др.

Указанные факторы в совокупности способствовали появлению и закреплению в Удмуртии традиций межэтнического добрососедства и уважения, которые сохраняют свое большое социальное значение в современных непростых условиях. Вместе с тем отмеченную комплементарность во взаимоотношениях между народами региона нельзя переоценивать. В протекающих социально-экономических и политических процессах заложены потенциальные источники напряженности, которые требуют выявления, изучения и предупреждения.

Ссылки:

1. Рейтинг эффективности управления в субъектах РФ в 2013 году [Электронный ресурс] // Гражданская Оборона. 2013. URL: <http://oborona12.org/рейтинг-эффективности-управления-в-с/> (дата обращения: 29.09.2015).
2. Воронцов В.С. Отчет по социологическому исследованию «Межнациональные отношения в Удмуртии – 2013» // Архив Министерства национальной политики Удмуртской Республики. Ижевск. 150 с.
3. Воронцов В.С., Ильинский С.И., Черниенко Д.А. Удмуртская Республика // Межэтнические отношения и религиозная ситуация в субъектах Приволжского федерального округа. Экспертный доклад за 2014 год / под ред. В.А. Тишкова. Оренбург, 2014. 190 с.
4. Удмурты: историко-этнографические очерки. Ижевск, 1993. 388 с.
5. Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск, 1994. 383 с.
6. Губогло М.Н., Смирнова С.К. Феномен Удмуртии. Парадоксы этнополитической трансформации на исходе XX века. М., 2001. 496 с.
7. Удмуртская Республика: историко-этнографические очерки / науч. ред. А.Е. Загребина. Ижевск, 2012. 288 с.
8. Финно-угры – славяне – тюрки: опыт взаимодействия (традиции и новации). Ижевск, 2009. 768 с.
9. Евразийское межкультурное пространство в исторической ретроспективе. Ижевск, 2013. 556 с.
10. Воронцов В.С., Касимов Р.Н. Татары в Удмуртской Республике. История заселения, численность, социально-демографические характеристики // Татары и ислам в регионах Российской Федерации: религиозное возрождение и этничность. Казань, 2014. С. 240–276.
11. Верт П. Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи / пер. с англ. М., 2012. 278 с.
12. Весна народов: этнополитическая история Волго-Уральского региона / под ред. К. Мацузато. Саппоро, 2002. 206 с.
13. Касимов Р.Н. Очерки о религиозно-мифологических представлениях чепецких татар : монография / науч. ред. А.Е. Загребин. Ижевск, 2013. 156 с.
14. Воронцов В.С., Ильинский С.И., Семенов Ю.В. Трансформация конфессионального пространства Удмуртии // Вестник Удмуртского университета. 2010. № 3. С. 121–129.
15. Касимов Р.Н. Специфика бытования мифологического сознания: русско-удмуртско-татарские параллели // Евразийское межкультурное пространство в исторической ретроспективе. Ижевск, 2013. С. 91–97.